

Я бы тоже нажал. В тот момент. И потом мучился бы всю жизнь — как он

Истории из нашего «Времени». 1983 год

Александр Тихомиров

— Остальных пассажиров брать будем? — спросил меня пилот.
Я оглянулся: может, другого кого-то спрашивает? Но нет. Кроме нас с Юрой в салоне никого не было.
— А почему мне такой вопрос?
— У меня приказ. Вас назначили старшим. Вот оно что! Я-то думал — генерал армии Варенников шутит, когда сказал, что начальник Генштаба выделил нам самолет.
Глянул в иллюминатор.
Генералы, полковники топчутся возле трапа.
— Ну, что, Юра? Будем брать пассажиров?
Оператор Юра Прокофьев улыбался блаженно.
— Пусть заходят! Которые с бутылкой...

Пока до Камчатки летели — спали в основном. Но и пили, конечно. Пробовал разговорить двух генералов: по той же теме летели, наверняка. Отмалчиваются, отводят глаза: «Не в курсе пока».
А весь мир бушует, клокочет! Объявили: на сбитом южнокорейском «боинге» летели 269 пассажиров, с экипажем. Рейган уже назвал нас «империей зла».
«Поменьше лирики в репортаже! — наставляли в Генштабе. — Побольше фактов — достоверных, убедительных. Не надо оправдываться! Всё по закону.

Нарушил границу — аж на 500 километров. Садись! Выполняй приказы!»

Вот эти «приказы» и предстояло запечатлеть на Камчатке. Мигание бортовыми огнями истребителей. Помахивание крыльями. Стрельба трассирующими поперёк пути нарушителя. И, конечно, интервью с пилотом Осиповичем, сбившим «боинг». Но для этого нужно было ещё лететь до Сахалина. Камчатка, Елизово. Встретил генерал, комдив, наконец.

— Куда идти? — спросил Юра сурово. — В какую кабину грузить аппаратуру?

— Какая кабина! Какая аппаратура! — изумился генерал. — В столовую идите! Ужин!

— Вам что — из Москвы не поступало приказа? — ужаснулся я.

— Поступало! Встретить, разместить, оказать помощь.

— А истребители подготовить? Оператора в полёт допустить?

Он удивился. Развёл руками.

И понял я: началась обычная армейская волокита. Хуже гражданской! Потому что под покровом секретности сведений. Уже вечер 5 сентября. А крайний срок сдачи репортажа — ночь с 9-го на 10-е. И первый показ не в эфире, а в большом зале АПН. Маршал Огарков, начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР проведёт там пресс-конференцию.

— Ведите в штаб! — твёрдо сказал я. — Мне нужна связь с генералом армии Варенниковым!

— Ну зачем вы так! — подпрыгнул наш генерал.

Он был маленького роста и на ходу всё время подпрыгивал.

— Зачем вы так? Время есть! Сейчас вы успокоитесь!

Он распахнул дверь в торцевой части барака. Там накрыт был стол. Бутылки, тарелки. В середине тазик с красной икрой, вываливающейся через край. И, конечно, солёная кета, в метр длиной...

И мы уселись успокаиваться. Часа два успокаивались. А комдив угощал, стол расхваливал, исчезал, появлялся, опять исчезал. Выяснял явно по закрытой связи — что нам можно, а что нельзя. И допустимо ли отправлять в полёт гражданского, с аппаратурой, никогда до того не летавшего на истребителе. Потом явился, ошеломленный, и развёл руками:

— Есть добро!

Самолет был, кажется, «СУ-15». «Спарка». Юру разместили во второй кабине, за пилотом. Не слишком хотел лететь — я заметил это.

Долго шарил внутри, ногой, сходя со стремянки. Плюхнулся, еле втиснув на сиденье объемистый зад.

— Камеру подай, начальник...

Эти телекамеры начала 1980-х! Цифровые — фотоаппаратики по сравнению с ними. Наш комплект, «юматик», вроде бы целиком занимал багажник «Волги». Генерал охнул, подавая мне камеру на стремянку.

Юра разместил её на плече, покряхтел. поводит из стороны в сторону объективом...

— Обзора нет совсем! Ни вправо, ни влево! Одни приборы в кадре. И камеру не повернуть внутри фонаря! Бандуру эту! А ещё ящик! Дай-ка его сюда...

Мы подали ему видеоманитофон, тяжеленный ящик, в футляре. Пристроил его на коленях — больше некуда было.

— Да вы что! — подпрыгнул генерал. — Ни в коем случае! Если катапультироваться — этой штукой ноги оторвёт!

— А без этого нельзя разве? — испугался Юра. — Без этой... катапульти?

— Можно! Но не в этом случае. Обязательно получится «генеральский эффект».

Пока шли обратно, Юра всё допытывался — что за «эффект» такой. Потом согласился: в нашем случае, действительно всё может произойти по закону подлости.

Потом опять «успокаивались». А время шло, выстреливали часы...

Летим на «АН-24», с пропеллером. Юра, с камерой, глядит сквозь блистер в темноту. Он в наушниках, с микрофоном. Связь с истребителем выведена в салон.

— Ну что? Видели, как я мигаю? — сквозь треск, раздаётся голос пилота истребителя.

— Нет, не читаю! — отвечает Юра. — Ты где? Давай ещё раз!

Мы с генералом тоже не видели — хоть и прилепились к иллюминаторам.

— А теперь? Видели?

— Нет! Не читаю!

Я углядел вдруг: где-то вверху, параллельно нашему

- Александр Николаевич Тихомиров родился в 1942 году в Свердловске (Екатеринбург) в семье военнослужащих. По семейным обстоятельствам в подростковом возрасте воспитывался в детском доме (Нижний Тагил).
- В армию призван с факультета журналистики Уральского госуниверситета. Через 3 года, вернувшись, работал литсотрудником многотиражки, корреспондентом областной молодежной газеты «На смену!».
- В 1966 году был удостоен премии Союза журналистов СССР в конкурсе на лучший очерк года.
- В «Комсомольской правде» был стажером студенческого отдела. Затем — спецкором в главной редакции литературно-драматического вещания Всесоюзного радио, комментатором радиостанции «Маяк», собственным корреспондентом Гостелерадио СССР в Сахалинской области.
- С 1974-го года — в информационной программе «Время» комментатор по военно-космической тематике. Автор свыше 1000 репортажей с космодромов Байконур и Плесецк, из Центра управления полётами, с мест посадки космонавтов.
- С 1986 года — политический обозреватель Центрального телевидения СССР. В 1990 году избран депутатом Верховного Совета России.
- В конце 90-х был министром печати Московской области. Автор очерков и репортажей в создаваемом им цикле «Истории из нашего "Времени"».
- В 2020 году Союзом журналистов России отмечен званием «Легенда российской журналистики».

Фото Анвара Галева

курсу помелькало. Миг! И исчезло. Сказывается несовпадение скоростей. Мы быстрее не можем, он — медленнее. Камера точно не в состоянии такое рассмотреть...

— А теперь? Увидели, наконец?

В голосе пилота ощущается раздражение.

— Нет, — вздыхает Юра, — не читается!

— А как я трассирующими стрелял? Читается?

— Когда?! — всполошился Юра.

— Только что. Весь запас расстрелял.

Пауза. Треск в эфире: видно, микрофон прикрыл рукой — матюкнулся.

— В школе надо было лучше учиться! Чтоб читать!

Сажусь. Топливо на нуле.

Может, «ИЛ-62» поднять? На котором мы прилетели? На нём скорости можно сравнять.

— Раньше надо было думать, — посетовал генерал, — он уже во Владивосток летит.

На больших самолётах, оказалось, в те дни на Сахалин не летали. В Хомутове шёл ремонт полосы.

— Поспи, — сказал мне Юра грустно, — а я пойду перебивки снимаю.

— Мы пойдём! — поправил его генерал. — Не дело штатским ходить по военному аэродрому. Еще и фотографировать.

Вылет на Сахалин чуть не проспали — в караулке, на нарах. «Лохмоту» (так именовалось телеоборудование) еле пристроили на двух свободных креслах. Все места в «АН-24» заняты «пассажирами», попутчиками, летевшими с нами из Москвы.

Я тут — уже не начальник.

Устроились в хвосте, уселись. Потом улеглись на пол. На воздушных ямах нас подкидывало, передвигало...

Старался не обдумывать, выкинуть из головы камчатскую неудачу.

Вспоминал, как летал уже по этому маршруту лет десять назад. Был собкором ЦТ и радио по Сахалинской области. Придумал новогодний репортаж для программы «Время» — сброс праздничного груза на курильский остров Матуа, недоступный зимой. Пилота одели Дедом Морозом.

На бреющем сбросили мешки с пряниками, конфетами — метеорологам. И главное — ёлку! Хорошо получилось. Из Москвы звонили, хвалили...

Хотел остановиться в мыслях на этом, приятном. Не смог.

Выдвигалось из памяти продолжение — тягостное. Оператором, работавшим со мной в корпункте, тогда тоже был Юра. Не Прокофьев только, а Кудрин. Я уехал потом в Москву, а он остался. И решил, года два спустя, вновь снять такой репортаж. На другой, правда, остров скинуть ёлку...

И самолёт разбился. При возвращении в Хомутово. Чиркнул крылом о сопку — при заходе в Сусунайскую долину. Прилетел я на похороны — а их ещё не сняли с этой сопки: четыре дня бушевала пурга. Снегом занесло обломки.

Юру нашли возле левого отвалившегося движка. Из-под снега торчала рука, зажавшая кинокамеру «СП».

Так и несли его, по очереди, с сопки, в мешке, замерзшего, с этой выставленной рукой. И согнуть её нельзя было. Можно было лишь отломить...

Тогда в живых остался только один — из одиннадцати: был в туалете, в хвосте. Выбросило вместе с кабиной.

В «боинге» уцелеть не смог бы никто. Самолёт развалился в километрах, над морем. А вдруг он действительно был с пассажирами? И они посыпались в чёрную бездну, как семечки из горсти? Старые, молодые, детишки-корейчики? Живые — или уже тела? Толпой — или их раскидало на километры?

— Ты чего стонешь? — толкнул меня в бок Юра Прокофьев. — Не переживай. Снял я твоё «баражирование огнями»!

— Как?! — изумился я. — Покажи!

Потом, в Москве уже, когда монтировал репортаж, долго сомневался: вставлять это или нет?

«СУ-15» качает крыльями, мигает огнями. То близко он в кадре, то удаляется. Правда, снята лишь верхняя часть самолёта. Но скорость полёта ощущается! Пространство разрезает нос истребителя!

— Ветер над бетонкой несло — со снежной крупой.

— пояснил Юра довольный.

— А покачивание откуда?

— Мужики раскачивали за крыло — с той стороны.

Посопел и признался:

— Генерал организовал. Только стрелять не разрешил на аэродроме.

Эти кадры я вклеил всё же. Боялся: догадаются. Но даже на пресс-конференции никто, из тысячи журналистов, не усомнился. Впрочем, для всех важнее было интервью с Осиповичем...

Он ждал нас, мне показалось, давно. Быть может, уже не первый день. В таком же бараке, как на Камчатке, с торца, в помещении дежурных сил.

Кадр был выстроен полностью.

Подумал: политработники старались. Они наверняка были здесь, среди тех, с кем мы летели. Генералы с полковниками стояли вдоль стены, спинами к ней прижимаясь, чтобы не попасть в кадр.

Осипович сидел в кресле — умытый, причёсанный, в сером лётном комбинезоне. Откинулся величаво. На правом колене придерживал рукой пластмассовый лётный шлем.

Пока Юра прилаживал камеру на штатив, устанавливал фонари — Осипович молчал. И все молчали. Я ощутил даже торжественность момента, будто снимаем в Кремле.

— Расскажите, — попросил я, — как это было?

Он уставился в объектив и пересказал сообщение ТАСС, озвученное и опубликованное три дня назад.

— Ну, хорошо. Мы это знаем уже, — сказал я, стараясь как можно мягче, — а вот вы расскажите о своих действиях, ощущениях...

Он откашлялся — и повторил всё то же самое, из слова в слово. При этом, я заметил, покосился на тех, кто стоял вдоль стены.

Я осознал: всё так и будет — в присутствии наблюдателей. Слишком тщательно, видно, проводили с ним инструктаж.

Наша цель, в конце концов, оправдывала средства. Чуть что — сошлусь на Варенникова.

— Товарищи! — строго сказал я. — Вы все попадаете в кадр. Для кого допустимо — оставайте остальных — прошу!

Они тут же все вышли, до одного.

— Замучили вас, Геннадий? — посочувствовал я.

Он лишь тяжело вздохнул и покосился на дверь.

— Может, взбодримся немного? Юра, доставай!

Юра достал из баула банку, стаканы. Прямо на полу налил по половинке и сунул нам два солёных огурца.

— Только не здесь, — прохрипел Осипович.

Поднялся из кресла, положив на него шлем.

И я увидел дырку на комбинезоне, под правым бедром. И мелькнула мысль потаённо: вот удивился бы мир, kloкочущий, возмущенный, если б увидел и эту дырку, и дощатый барак наших грозных дежурных сил, и бачок, подтекающий в туалете...

Осипович встал в углу, спиной к окнам, двери, и выпил.

— Ну, так как всё было? Вспоминайте! Начиная со взлёта.

Он помолчал тоскливо — и вновь пересказал сообщение ТАСС. Несколько другими словами.

«Никакой лирики» — вспомнил я наставления в генштабе. Разозлился: что он со мной дурака валяет?

— Слушай, мужик! Ты 269 человек угробил! Они тебе по ночам случайно не снятся?

— Не знаю — снятся или не снятся! — разгневался он. — Я ещё ни разу не спал!

— Почему?

— Приезжают всё время ...удачи, как ты, — и мучают, мучают!

Потом молчал. Долго, сосредоточенно.

И стал выговариваться:

— Вот летит он. Над домом моим! Кто такой? Непонятно. Да и не вижу я его! Не разберёшь в темноте.

Моему пацану утром в школу идти: первое сентября! А вдруг он бомбу сбросит? А потом мне приказ пришёл — сбить! Да, кнопку нажал. Дважды! Выполнил приказ! Я на защите. Это мой долг. Грош бы мне цена была как защитнику — если б не выполнил...

Интервью складывалось. Так всегда бывает: о себе говорят, о своих чувствах — и всё ясным становится. Причины, поступки, следствия...

Поставил себя на его место. Я бы тоже нажал. В тот момент. И потом мучился бы всю жизнь — как он. Когда вскрылись подробности. Он и тогда уже фантазировал, пытался найти оправдание.

Выключили камеру. Вернулись к стаканам, банке, огурцам.

— Это не я сбил. Когда первую ракету пустил — она впереди, перед ним взорвалась. Осветила. Ё-моё! Увидел — какой громадный. Потом он закрылки выпустил, все. Тормозить стал на дикой скорости. И от этого развалился. До того, как я вторую пустил...

Через три дня, на пресс-конференции, маршал Огарков обрисовал ситуацию. Подробно, убедительно, ярко. Всё свидетельствовало: это был самолёт-шпион. Пролетев над Камчаткой, над базой наших атомных подводных лодок, взбудоражил все средства ПВО. А спутник-разведчик США фиксировал все сигналы. К тому же водолазы не нашли ни одного тела пассажиров возле острова Монерон, где рухнул самолёт. А там вода прозрачнее, чем в любом аквариуме. Нашли лишь оторванную руку пилота. (Опять рука!)

Публикаций по теме сотни. В том числе в интернете... Написал то, чего не было ни в одной. Подробности нашей репортёрской работы.

Юры Прокофьева нет уже. И Осиповича нет.

И генерала, отдавшего команду на уничтожение «боинга». И редко, кто вспоминает уже этот страшенький эпизод.

Обломок ячеистого алюминия, кусочек от переборки сбитого «боинга», поднятый со дна. Натыкаюсь на него, среди коробочек со значками, медальками. И вновь, всякий раз, стараюсь ограничить воображение. Не представлять себе взрыв, раскидавший в ночном пространстве, на километры, мужчин, женщин и детей — малыш-корейчиков.

8